

Его тело снова напряглось, на этот раз только из-за удовольствия, накопившегося перед кульминацией. Император заскулил, потеряв над собой контроль. Его руки вцепились в спину убийцы, ноги сжались сильнее, как у моллюска, пытающегося закрыться. Он крепко сжал руки и ноги, прижимаясь к ассасину, вжимая его в свое тело, и безмолвно приказывал продолжать: глубже и без остановок. Ассасин удовлетворил его. Моллюск проглотил рыбу внутри своего тела, плотно завернул ее и держал внутри.

Кульминация, прерванная неожиданной ситуацией, наконец наступила, и громкий стон императора резко оборвался, он весь сжаолся и задрожал всем телом. Ассасин открыл рот, стер большим пальцем каплю крови с губ и провел по ним дрожащим языком. Движения убийцы тоже потеряли свой ритм, становясь все быстрее и настойчивее, и, наконец, он вонзился в самое глубокое место, куда только мог проникнуть, с такой силой, словно хотел проникнуть прямо в вожденное лоно.

Он снова держал член императора, и грубо двигал им вверх-вниз. Император, наконец, закричал, и вторая кульминация, последовавшая немедленно, заставив его разрыдаться. Когда ассасин кончил в него, тонкая эссенция императора расплескалась по всей ладони ассасина.

Некоторое время никто не произносил ни слова, ассасин рухнул на императора, и остались только два человека, тяжело дышащих в замешательстве. Блаженство нахлынуло на них, как теплая вода, смягчая все острые углы от тела до мозга. Даже ассасин был удивлен. По сравнению с бесчисленным количеством секса, окружавших его раньше, этот неожиданный и нетрадиционный человек сделал его счастливее всех остальных.

Он повернулся и встал рядом с императором, выпрямившись, чтобы наблюдать за ним. Посмотрев вниз, он увидел, что молочно-белая эссенция медленно вытекает наружу, словно лепестки, которые были повреждены проливным дождем, это выглядело удивительно красиво. Ассасин не чувствовал удовлетворения в своем сердце, он просто чувствовал, что что-то произошло, что это свершилось. Он посмотрел в полуоткрытые глаза императора, его взгляд был пустым, даже когда ассасин протянул руку, чтобы обнять его, он никак не отреагировал.

Прошло некоторое время, прежде чем император расслабился и оказался в объятиях убийцы. Он моргнул, и ассасин увидел, как шестеренки в его голове перестроились, размышляя о том, как он оказался в этой ситуации. Ассасин слегка потер его спину, ожидая, когда тот отойдет. Но император только вздохнул, изменил позу и прижался к груди убийцы, как будто сдался.

Ассасин почувствовал, как жар разливается от груди к голове, во лбу у него зазвенело, лицо внезапно исказилось, а в голове заиграла симфония. Казалось, что мертвые возвращаются к жизни, или что они никогда раньше не были живыми до этого момента. Если бы император мог видеть его лицо, он бы снова посмеялся над ним.

— Это не... то, что я ожидал. — император пробормотал что-то себе под нос.

«Он не ожидал этого. Кто бы мог подумать?» размышлял ассасин. Через некоторое время он понял, что император не хотел получать от этого удовольствие. Император был готов принять боль. Он ожидал, что будет терпеть боль. Таким образом, этот несчастный случай был бы просто пыткой, и он, естественно, мог ненавидеть убийцу так же, как ненавидел свое собственное тело.

— «Великий император» чудовище, которое не является ни мужчиной, ни женщиной. — сказал император.

— Нет! — резко сказал убийца. — Ты не такой.

— Что? — спросил император.

— Чудовище. — убийца наугад махнул рукой. — Ты похож на Канру... Ты его знаешь? Повелитель войны и плодородия, повелитель смерти и жизни, наш господин и мать.

Император немного помолчал, а потом сказал:

— Я думал, что старые боги северо-западных племен были богинями.

— Нет, Канра - гермафродит. — убийца сказал. — Меня выбросили за пределы храма Карны, когда я родился. В тот год на Северо-западе был голод, храм не собирался усыновлять детей, но в тот день было полнолуние. Канра был вездесущ в каждую ночь полнолуния. Бог жизни, сострадательная мать, поэтому старейшины усыновили меня, и я выжил.

— ...К тому же сегодня полнолуние. — император угрюмо улыбнулся, прижавшись к его груди.

— Ах, сегодня тоже полнолуние. — удивленно произнес убийца.

До того, как император упомянул об этом, убийца ничего не замечал. Он слишком долго отсутствовал в своем родном городе, лицо Божественного Канры давно стерлось из памяти, и дни охоты на богов казались ему прошлой жизнью. В первый год гражданской войны, чтобы угодить Империи, повстанцы сравнивали с землей храмы и приказали всем верить в верховного бога Империи. Жаль, что они не смогли заручиться поддержкой Империи. Через три года после окончания гражданской войны ассасин услышал, что империя отправила людей на Северо-запад, чтобы восстановить храмы.

Храм бога Канры.

Люди на Северо-западе называли Карну одним из «старых богов», а богов Империи - «новыми богами». Эти два типа верования существовали на Северо-западе.

— Я должен поблагодарить тебя. — пробормотал убийца. — Э-э, насчет храмов, спасибо тебе!

Он упрямо благодарил его, его слова были неуклюжими, и он чувствовал, что даже эти несколько слов были неловкими. Он прокрался во дворец в ночь полнолуния и планировал убить правителя, который приказал восстановить храмы, положил конец гражданской войне на Северо-западе и не позволил никому умереть от голода или холода на севере. Награда за «помощь северо-западным племенам» была всего лишь предлогом. Отправляясь в путь, ассасин не думал ни о Канре, ни о своем родном городе. Он стремился только к испытанию и смерти.

Ассасин вел бестолковую жизнь, смешиваясь с толпой, не отличая добро от зла, и жил как животное. В этот момент, словно в тумане зажегся фонарь, и хаос разделился на восток и запад, он внезапно осознал свой позор. Убийца не сожалел об этом (встреча с императором действительно была лучшим событием в его жизни), но он чувствовал себя виноватым.

Император, словно умея читать мысли, что-то понял из его запинаящихся слов и последовавшей за ними тишины.

— Ты не хочешь быть добрым к себе. Так как ты можешь просить других быть добрыми к себе? — сказал император. — Лошади на пустоши бегут, чтобы выжить. Когда другие видят это, как можно обвинять их в панике.

Он сказал это не успокаивающим тоном. Он делал заявления, спокойно, но неоспоримо. Он

сказал это так, как будто прощение было чем-то само собой разумеющимся, как будто он понимал... понимал это унижительное замешательство и слепоту, понимал нож и кровь в своей руке, которые нужно было смыть, понимал гнев, которому некуда было деваться, на себя, и на весь мир.

Так что с тех пор вся жизнь убийцы была прощена.

Он прижался губами к царапинам на шее императора и задохнулся. В этом поцелуе не было страсти, только благодарность. Хотя император и почувствовал, что по его шее текут слезы, он не поднял глаз.

— Когда я был маленьким, моя мать попросила меня носить с собой кинжал. — император тихо сказал. — Она сказала, что если кто-нибудь узнает мой секрет, я должен буду убить их или покончить с собой. Я думаю, она хотела сделать это сама, но ей было жаль. Я был ее единственным сыном, по крайней мере, тем, кто выглядел как сын. Верховный Бог сказал: «мужчина рождается мужчиной, отличным от женщины, как небо и земля; если их не разделить, в мире будет неспокойно». Но что я могу сделать? К сожалению, я таким родился.

Ассасин не знал, что сказать, поэтому просто обнял его крепче.

— Так что я должен попытаться. — император снова заговорил. — Я четыре года улаживал внутренние дела, шесть лет выравнивал северные территории и еще десять лет продвигался на юг, чтобы все, что находилось за пределами Южного альянса, стало территорией Империи. Через несколько лет, нет, через год, смутные времена, которые длились сотни лет, закончатся, страна объединится, и на земле воцарится мир. Послушай, это делает не кто-то другой, не мужчина, и не женщина, а я... Если бы мама не слишком много думала и умерла молодой, хотел бы я увидеть ее лицо: какое бы у нее было выражение?

Голос императора стал тише и мягче, как будто он разговаривал сам с собой. Убийца прервал его:

— Тебе просто не везет.

Император усмехнулся.

— Тебе не повезло больше, потому что ты родился в Империи. — ассасин сказал. — Если бы ты родился на нашей стороне, все бы бесконечно любили тебя. Они назвали бы тебя реинкарнацией Божественного Канры, рожденным необыкновенным, предназначенным стать спасителем. Все неженатые парни и девушки крутились бы вокруг тебя, делая тебе предложения, боролись бы за тебя и надеялись, что ты женишься на них или будешь замужем за ними...

Теперь император рассмеялся по-настоящему. Ободренный этим, ассасин продолжил исповедь:

— Если бы тебе никто не пришелся по нраву, то остался бы в храме. Ты определенно понравился бы моей сестре... приемной сестре, дочери моего старейшины. Ей нравятся умные люди. Если рядом с ней оказывались какие-нибудь идиоты, я должен был выбросить их в реку. Однажды я разворошил осиное гнездо в доме врага моей сестры...

Он говорил и говорил, пока император не начал хохотать. Смех был хриплым, но почти открытым, ассасин чувствовал, как он вибрирует в их соприкасающихся грудях, и от этой вибрации у него потеплело внутри.

В конце концов, император сильно ударил его по голове, жестом приказав прекратить нести чушь. Он отступил немного назад и снова подтолкнул убийцу, чтобы тот оделся.

Ассасину пока не хотелось вставать, но он повиновался и надел халат, который дал ему император. Император тоже встал, нахмурился, сидя на краю кровати, и с некоторым усилием поднялся.

Как только император застегнул последнюю пуговицу, дверь внезапно открылась.

Несколько человек ворвались внутрь, все с серьезными лицами, как будто столкнулись с грозным врагом. Внезапно убийца почувствовал сильное давление на свое тело, и если бы он хоть немного дрогнул, то, вероятно, был бы прижат к земле этим внезапным сильным давлением. Кто-то бросился к убийце, и лезвие было прижато к его шее, но когда преступник заметил, что на убийце была ночная рубашка императора, на его лице мгновенно застыло напряженное выражение.

Люди, ворвавшиеся в комнату, застыли на месте, уставившись друг на друга.

Император поднял руку, и капитан стражи встал по стойке «смирно» и жестом приказал отступать. Ассасин услышал звук скрежета доспехов за пределами комнаты, и маленькая армия в коридоре остановилась.

Здесь стояли главные маги дворца, королевские рыцари и капитан стражи. Снаружи также была полностью вооруженная армия, даже ассасин захотел бы отступить от этого строя. Он не знал, когда их вызвали, это было в ванной? Убийца подумал «так вот почему он напомнил мне одеться».

Невероятно, но убийца чувствовал себя спокойно.

Он пришел с желанием убивать, и покушение оказалось неудачным, но он получил нечто гораздо большее, чем ожидал. Не только теплое тело, но и те разговоры, и все остальное, что было трудно выразить словами. После стольких лет ассасин снова сблизился с другими людьми. Эта ночь развеяла отчаяние и оцепенение. Если бы это был конец, он, несомненно, был бы приятным.

Что касается его родственников в родном городе, ассасин не беспокоился. Они были знакомы всего одну ночь, но он уже поверил, что император способен умиротворять людей. Император поступит с северо-западными племенами так, как и планировал, как и со своими подданными, чтобы удовлетворить свои амбиции по господству над миром.

Итак, в конце концов, убийца просто надеялся, что император возьмет отпуск по болезни, чтобы хорошенько выспаться.

Меч королевского рыцаря все еще был прижат к шее убийцы. Капитан стражи приказал стражникам отступить по приказу императора. Теперь у двери осталось всего несколько человек. Главный маг был внезапно разбужен посреди ночи, то ли из-за недосыпания, то ли из-за отсутствия осторожности, то ли из-за некой силы или интуиции, а не по опыту и искушенности... В любом случае, в этот момент, несмотря на то, что все, кто входил в комнату, чувствовали запах воздуха преисполненный любви, никто не произнес ни слова. Только когда главный маг вошел, он громко ахнул, осознав, что произошло.

На самом деле это была не самая блестящая его идея, император повернул голову и посмотрел на него.

— Верховный маг. — император спокойно сказал. — Боюсь, я должен кое-что сказать о системе защиты дворца, которую Ассоциация магов отремонтировала полгода назад.

В течение следующих пяти минут император спокойно и элегантно расспрашивал главного мага о его магической грамотности и знаниях, о том, были ли теоретические исследования Ассоциации магов оторваны от реальности, были ли стоящими императорские спонсорские и инвестиционные усилия, и даже ассасин, который ничего не понимал, почувствовал жалость. Всего за пять минут у старика с белой бородой покраснело лицо, от него не осталось и следа уверенности в себе, и он чуть не извинился перед смертью. Когда император, наконец, с большим состраданием отпустил его, он бессвязно и с благодарностью дал ряд гарантий и со стыдом отступил. Возможно, после этого он даже не помнил своего имени, не говоря уже о том, что он сделал, чтобы стать мишенью императора.

Затем император приказал оставшимся людям заделать брешу в обороне дворца, сменить охрану, подвергнуть пыткам одних людей и арестовать других... он успешно объяснил, что все происходило упорядоченно, как будто убийство было обычным делом. Убийца был поражен, наблюдая за происходящим неподалеку, и, наконец, понял, что его еще не отослали.

Теперь в комнате осталась только одна пожилая женщина, и убийца очень надеялся, что его не выдадут ей. С тех пор как старуха вошла в дверь, она смотрела на него чрезвычайно устрашающим взглядом, с таким ужасом, который приближался к пределам человеческого понимания, как будто убийца живьем съел ее кошку у нее на глазах. Ассасин сражался с медведем, а не так давно переспал с императором, но в этот момент он невольно переместил взгляд слева направо, когда старая леди оглядела его с ног до головы.

— Как тебя зовут? — внезапно спросил император.

Убийца на мгновение застыл и сказал:

— Вуд.

Император кивнул и повернулся к старухе.

— Были предатели, которые планировали убить меня, но благодаря помощи этого праведника Вуда, я в безопасности. — император сказал, глядя на нахмуренные брови своей мачехи и широко раскрытые глаза убийцы. — Мама, приготовь комнату для дров.

— Что? — непонимающе произнес убийца.

— Ты не можешь здесь спать, по крайней мере, не сегодня. — сказал император. Убийце показалось, что взгляд пожилой леди вот-вот просверлит дыру в его черепе. — Я хочу спать, давай поговорим об этом завтра.

После этого император зевнул, сбросил простыни, которые были мокрыми от телесных выделений, откинулся на кровать и заснул.

Примечания автора:

Старая женщина была медсестрой императора, и, кроме убийцы, она была единственным человеком на земле, который знал об интерсексуальности императора.

<http://bllate.org/book/14303/1266028>